

Галина Романова

Московский городской педагогический университет Москва, Россия
galinroma@mail.ru

 0000-0002-6173-2411

<https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

Кристина Ризаева

Московский городской педагогический университет Москва, Россия
krisriza@icloud.com

 0000-0001-6163-0629

<https://orcid.org/0000-0001-6163-0629>

Влияние поэтики Ф.М. Достоевского на творчество М.Н. Альбова

Prethodno priopćenje /

Preliminary communication

UDK 821.161.1.09Dostoevskij, F. M.

821.161.1.09.Albov M. N.

<https://doi.org/10.32728/tab.21.2024.4>

Primljeno /Received: 20. prosinca 2023.

Prihvaćeno / Accepted: 1. ožujka 2024.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены примеры литературного влияния поэтики Достоевского на произведения писателя-беллетриста Михаила Ниловича Альбова, чье творчество составляет значительную часть литературного процесса конца XIX века, переиздается и в XXI в. Освоение художественной манеры Ф.М. Достоевского его эпигоном Альбовым проявилось в изображении мрачного художественного мира, атмосферы сумеречной реальности, в создании рефлексирующего, психически больного типа, в повторе и варьировании сюжетных ситуаций, в изображении особенностей поведения героев, использовании имен, фамилий из произведений Достоевского, в изображении Петербурга.

Признаки литературного влияния выявлены в рассказах Альбова «Записки подвального жильца», «Городское происшествие», «Петербургские мизерабли», «Во мгле серого дня», в «психиатрическом этюде» «День итога». Выявление в текстах его малой прозы литературных реминисценций и аллюзий, преимущественно из повести «Записки из подполья» и романа «Преступление и наказание», показывает не только стремление к подражанию великому современнику, но и указывает на оригинальные черты, сказавшиеся в трансформации жанровых канонов, в новаторском развитии традиционных тем и представлении литературных типов.

Ключевые слова: М.Н. Альбов, подражание, литературное влияние, Ф.М. Достоевский, эпигон

1. ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об эпигонах писателей-классиков тесно связан с темой литературных репутаций. Соответственно читательскому признанию литературные произведения условно относят к классике, беллетристике, массовой литературе. Открытия писателей, чьи произведения признаны классическими, варьируются, адаптируются в сочинениях беллетристов, повторяются в развлекательных сочинениях. Таким образом, несмотря на невысокие эстетические достоинства, книги авторов «второго ряда» часто становятся заметными явлениями в культуре своего времени, оказывая влияние на современников. Об этом писал В.Г. Белинский во вступлении к сборнику «Физиология Петербурга» (1845): «Бедна литература, не блистающая именами гениальными; но не богата и литература, в которой всё – или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы» (Белинский 1955: 145). Этим обусловлена необходимость изучения проблемы специфики таких литературных явлений, как заимствование, подражание, влияние, а также исследование произведений писателей, чье творчество, не отличаясь оригинальностью, признавалось современниками как значительное явление. При этом положительное значение эпигонских произведений, т. е. представляющих собой нетворческое подражание классике, с течением времени утрачивается, читатели-любители о них постепенно забывают. Однако они остаются в истории литературы и, соответственно, требуют осмысления. Изучение творчества эпигонов выполняет еще одну важную функцию: помогает выделить характерные, наиболее яркие особенности творчества тех писателей, чьи открытия заимствуются и адаптируются. В этом отношении произведения русского писателя-беллетриста Михаила Ниловича Альбова (1851–1911) – благодарный материал. Когда-то востребованное читателями-современниками, в наши дни его творчество остается таковым только у филологов, все чаще обращающихся к нему, чтобы высветить характерные черты стиля и проблематики сочинений А.П. Чехова и Ф.М. Достоевского. Современные исследователи отмечают, что Альбов – талантливый писатель, способный создавать неуловимую атмосферу сумеречной реальности с сонмом бесцветных существ, оплетенных паутиной мучительных отношений. Это мнение основано, в частности на суждениях критиков – современников писателя. Так, М.Е. Салтыков-Щедрин считал подражательность пороком и в письме М.М.

Стасюлевичу от 6.01.1885 г. отмечал, что Альбов «имеет громадный недостаток быть подражателем Достоевского».

2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поставив перед собой цель – исследовать в произведениях Альбова следы влияния поэтики Достоевского в формальных (сюжет, система персонажей, особенности художественной речи) и в содержательных аспектах (тематике), авторы данной работы использовали методы биографический, культурно-исторический, а также интертекстуальный анализ.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Во второй половине XIX в. Достоевский еще не классик, но уже авторитетный, высоко оцененный публикой писатель. Успех его произведений вызвал стремление подражать его художественной манере, использовать и адаптировать сделанные им открытия.

Заголовок первого опубликованного в популярной газете «Петербургский листок» рассказа Альбова «Записки подвального жильца» (1868, 24 февраля) наводит на мысль о заимствовании темы, заявленной в «Записках из подполья» (1864) Ф.М. Достоевского. Читательские ассоциации подтверждены выбором жанра (записки) и формы организации речи (рассказ от первого лица). Герой этого произведения Альбова – одинокий молодой человек, влюбившийся в соседку. Типичный мечтатель (как он обрисован в ряде произведений Достоевского: «Белые ночи», «Хозяйка») узнает о том, что вскружившая ему голову девушка – содержанка генерала. Эта новость разбивает его мечты, от отчаяния он бросается в Неву, ледяная вода излечила его от «несчастной страсти». В рассказе нет прямых текстовых включений из Достоевского, хотя все напоминает о его произведениях: и известная по роману «Бедные люди» влюбленность на расстоянии, «амурные экивоки» в окошках, герой – начинающий литератор, чью повесть издатель «берет за двадцать пять рублей». Говорящую фамилию *Тряпицын* также можно расценить как заимствование – своеобразную вариацию рассуждений героев Достоевского о том, что человек не «ветошка», т.е. старая, рассыпающаяся тряпочка. Так, служанку Терезу

в романе «Бедные люди» «безжалостная хозяйка <...> затирает <...> в работу, словно ветошку какую-нибудь» (Достоевский 1989: 33). Изображение уязвленного самолюбия, мнимого соперничества с офицером, из-за которого Тряпицына выставляют за дверь и которое приводит к заболеванию на нервной почве, вызывает ассоциации с «Записками из подполья» (сцены с офицером) Достоевского. Хотя психологический и символический смысл, заключенный в словах Достоевского «подпольный человек», при этом исчезает, растворяясь в буквальном значении выражения «подвальный жилец», очевидный случай заимствования заголовков многозначителен. Известно, что Альбов рано полюбил чтение и художественную литературу, начал писать в десятилетнем возрасте. Литературное заимствование в случае с «Записками подвального жильца» является формой ученичества. К безусловным достоинствам рассказа можно отнести сам факт обращения тринадцатилетнего подростка к такому сложному произведению, как роман Достоевского (не зависимо от степени его осознанности), он удивителен и свидетельствует об одаренности подражателя. Как отмечал В.В. Набоков, в «Записках из подполья» «ярчайшим образом представлены темы Достоевского, его стереотипы и интонации. Это квинтэссенция достоевщины» (Набоков 2012: 190). Современные исследователи считают повесть пролегоменами к великому «пятикнижию» классика.

Одним из самых ярких примеров влияния поэтики Достоевского на творчество Альбова, несомненно, является «психиатрический этюд» «День итога» (1879), имевший большой успех при публикации и вызывающий интерес у современных исследователей (Е.К. Созина, А.Б. Муратов и др.). Как отмечает А.Б. Муратов, именно это произведение принесло известность Альбову, за которым «установилась репутация подражателя Достоевского» (Муратов 1996: 29).

В произведениях Альбова действие разворачивается в пространстве столицы, в бедных кварталах, в домах, где на лестницах пахнет плесенью и кошками, на съемных квартирах, в которых протекает неприглядная жизнь городских обывателей. Все это вызывает ассоциации с произведениями Достоевского. Однако здесь есть важное отличие: у Достоевского специфика петербургского пейзажа не является результатом словесной фотографии («дагерротипа»), как это характерно для физиологического очерка русской «натуральной школы». Особенность, которая сообщает особую убедительность

городским картинам, — явно ощущаемая субъективность точки зрения. Окружающая героев реальность передана в восприятии персонажей, что придает описаниям особый психологический смысл. Альбов, всю жизнь проживший в Петербурге и хорошо его знавший и понимавший, заимствует только литературный прием изображения: в его «петербургских» произведениях мир городских низов представлен преимущественно статичным, мрачным фоном, на котором разворачивается действие, что существенно снижает художественный потенциал.

Напоминает о «Записках из подполья» Достоевского центральная сцена в «этюде» Альбова: намеренное оскорбление главным героем влюбленной в него девушки: «И отлично! Чем подлей – тем лучше!.. Она теперь, может, мучится... Превосходно!» (Альбов 1888: 21). Кроме того, в «Дне итога» использован знаменитый неологизм Достоевского: слово «стушеваться». В заметке «История глагола “стушеваться”» («Дневник писателя» за 1877 г.) писатель объяснил его значение: «...Слово “стушеваться” значит исчезнуть, уничтожиться, сойти, так сказать, *на нет*. Но уничтожиться не вдруг, не провалившись сквозь землю, с громом и треском, а, так сказать, деликатно, плавно, неприметно погрузившись в ничтожество.... Мне в продолжение всей моей литературной деятельности, всего более нравилось в ней то, что и мне удалось ввести совсем новое словечко в русскую речь...» (Достоевский 1995: 338, 340). Повествователь Альбова заключает эпизод, используя это слово: «Он оглянулся. Кати уже не было... Он и не видел, как она стушевалась, исчезла, как тень, не простясь...» (Альбов 1888: 23).

В центре системы персонажей произведений Достоевского – «маленькие люди» разночинского и мещанского происхождения, находящиеся в крайне тяжелых жизненных обстоятельствах, гордые и одинокие, с неустойчивой психикой, страдающие раздвоением сознания. В работах, посвященных творчеству писателя, отмечалось, что «всякого, кто читал произведения Достоевского, поражает большое число психически больных среди типов, которые изображает нам художник в своих романах» (Сегалов 1929: 92). Интерес к таким личностям обнаруживает и Альбов. В «Дне итога» изображен бедный недоучившийся студент, во многом напоминающий Раскольников из романа Достоевского «Преступление и наказание» (1866). О близости этих персонажей свидетельствуют некоторые особенности

их поведения, приемы изображения которого Альбов заимствует у Достоевского. Так же, как Раскольников, который периодически впадает «в глубокую задумчивость», «в какое-то забытье», бормочет «про себя от своей привычки к монологам» (Достоевский 1989: 6). Герой Альбова «бледный и мрачный», у него «растерянный взгляд», «бледные губы», сознание раздваивается: его «мучитель» «появляется всегда неожиданно <...> Эта тайна составляет центр его жизни». Главная причина его мучений – большое самолюбие, или, как выражается его мучитель-двойник, «самолюбьишко, самолюбьишко, вот твоё несчастье!» (Альбов 1888: 1, 3). Негативная черта характера не только называется дважды, но и осуждается в слове с пренебрежительным суффиксом.

Герой Альбова, сосредоточенный на своих переживаниях, живущий уединенно, отчужденно от общей жизни, поддается навязчивой идее, которую называет «блаженством поклониться себе» (Альбов 1888: 111), и кончает жизнь самоубийством. Суицид, смерть, как известно, также одна из характерных тем произведений Достоевского, в которых изображаются душевные переживания, доходящие до высшей степени нервного напряжения, с которым организм не может справиться и которое переходит в болезненные физические состояния: в обмороки, приступы горячки, длительное беспамятство, что, в конечном счете, становится причиной смерти.

Близость произведений Альбова творчеству Достоевского отмечал выдающийся критик, современник обоих писателей Н.К. Михайловский. Так, в «Письме в редакцию» (за подписью *Посторонний*), выявляя «разницу между учителем и учеником», он акцентировал характерную для подражаний особенность: заимствование художественных приемов, их повторение в сочинениях эпигонов ведет к ослаблению воздействия на читателей. Михайловский считал, что автор «Преступления и наказания» злоупотреблял силой своего таланта, изображая мучения своих героев, а его эпигон (Альбов) смягчал это действие: «...сравнительная бледность списка имеет ту выгоду, что не с такою уже чрезмерностью терзает нервы читателей и не такой уж рог избытка унижений выливает на героев» (Михайловский 1884). Отметим, что значительный фрагмент процитированной статьи русского критика был опубликован в переводе на хорватский язык в газете «Hrvatska vila» (1884, 22-е марта). Факт публикации, в которой

говорится об Альбове, отмечен Рафаэлой Божич в личном письме авторам данной статьи.

Наиболее часто Альбов прибегает к заимствованию сюжетных ситуаций. Так, в основу сюжета рассказа Альбова «Городское происшествие» (1875) положена история расследования убийства старухи, совершенного молодым человеком, что отсылает к важнейшему эпизоду романа «Преступление и наказание». Кроме того, у Достоевского его последователь заимствует отдельные сюжетные мотивы и развивает их в самостоятельный сюжет. Так, реплика Мармеладова «с тех пор дочь моя, Софья Семеновна, желтый билет принуждена была получить, и уже вместе с нами по случаю сему не могла оставаться. Ибо и хозяйка, Амалия Федоровна, того допустить не хотела (а сама же прежде Дарье Францевне способствовала)...» (Достоевский 1989:20-21) у Альбова разворачивается в целый рассказ – «Петербургские мизерабли» (1866) о Машеньке Мармеладовой. Это один из самых ярких примеров подражания – использование реминисценций и аллюзий, включая имена персонажей из произведений предшественника.

Действие рассказа разворачивается также в Петербурге, в «каморке», которую «тускло озаряет свеча», в «тишине» «убогой квартиры», в которой «холодно» от того, что «давно не топлено» и нечем платить квартирной хозяйке вот уже три месяца. Но в отличие от сюжета из романа Достоевского, на преступление идет сама квартирная хозяйка – циничная, завистливая и жестокая. Она морально убивает свою жилищу: случайно подслушанный разговор хозяйки с мелким лавочником, желающим заполучить дочь Мармеладовой в содержанки, потрясает измученную болезнью слабую женщину. Квартирная хозяйка толкает девушку на сомнительный путь: чтобы заплатить за квартиру и нанять доктора к умирающей матери, она продает себя. Признающая свою вину «ведь я, некоторым родом, ее убийца», Агафья Ивановна, доводит до логического конца придуманную ею «механику»: после похорон матери квартирная хозяйка выступает в роли «покровительницы» и указывает Маше Мармеладовой путь содержанки знакомого ей лавочника («богатеи-то какой! После отца три лавки фруктовых останутся...»), с которым давно уже в сговоре. Мотив безысходности положения бедной сироты – один из распространенных в произведениях Достоевского («Бедные люди», «Преступление и наказание», «Идиот»). Как и Достоевский, Альбов защищает своих

«мизераблей», симпатии читателя на стороне Машеньки и старушки Мармеладовой. Но кроме гордости и образования у них ничего нет, они бессильны против социального неравенства, и чтобы как-то выжить после смерти матери, Маша принимает предложение квартирной хозяйки: «Что же? Если этого еще не доставало к моему окончательному позору, то я согласна!» (Альбов 1866).

О Петербурге Достоевского напоминает пейзаж рассказа «Во мгле серого дня» («Родина», 1890. № 5, 6, 9), произведения, изобилующего цитатами и литературными реминисценциями. Здесь, как у Достоевского, показаны отвратительные петербургские лестницы, съемные комнаты, лающие собачки, упоминание «фельетонной быстроты» совершения событий, узнаваемый пейзаж («На тротуарах была слякоть, и крупный снег тихо падал...»). Опасливая мысль хозяйки квартиры: «А уж не студент ли он?» – как бы намекает на ее знакомство с романом «Преступление и наказание». Психологизация описания внешности персонажей также близка поэтике Достоевского. Фраза: «Эдакое животное подлое!» – соотносится с суждением Раскольникова («Преступление и наказание») о злой и несправедливой природе человека: «Какой колодезь, однако ж, сумели выкопать! И пользуются! Вот ведь пользуются же! И привыкли». Поплакали. И привыкли. Ко всему-то подлец-человек привыкает!» (Достоевский 1989: 28).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, влияние поэтики Достоевского на его последователя Альбова заключается, во-первых, в сходстве организации пространства и времени (съемные углы Петербурга, где обитают «подвальные жильцы», неказистые каморки верхних этажей, подчеркивающие бытовую неустроенность). Во-вторых, очевидно повторение и варьирование сюжетных ситуаций (покушение на старуху в рассказе «Городское происшествие»). В-третьих, обращает на себя внимание организация речи от первого лица и интонация исповедальности в ранних произведениях Альбова, введение писем и записок, как в «Бедных людях» Достоевского. Главное же – изображение Альбовым узнаваемого психически неуравновешенного героя, изображение поведения, особенностей душевной жизни, одержимость странными идеями и тягой к суициду. Наиболее приметный знак заимствования

– использование имен, фамилий из произведений Достоевского, его неологизма.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод о том, что особенности художественного мира и приемы его создания определяют мрачную атмосферу многих произведений Альбова, вызывающих у читателей ассоциации створчеством Достоевского. Узнаваемость в произведениях Альбова художественных приемов, изобретенных Достоевским, его сюжетных мотивов и образов, привлекавшая поначалу читателей-любителей, давала основания критикам называть его подражателем.

Охарактеризованные выше черты поэтики рассмотренных произведений Альбова (рассказы, повесть), в которых обнаруживается подражание Достоевскому, не означают содержательного сходства. Факты совпадений в изображении художественного мира подчеркивают различие в глубине и масштабности содержания. Для автора «великого пятикнижия» свойственна метафизическая, религиозно-философская проблематика, особенности поэтики его произведений обусловлены выражением «христианской и высоконравственной мысли», веры в человека, надежды на воскресение его души. Альбов же, разрабатывая характеры, открытые Достоевским, сосредотачивался на их социально-психологической сути, сужая масштаб осмысления жизненных проблем, заимствуя отдельные формальные приемы изображения действительности, отвлекался от их религиозно-философского содержания. Преобладание мрачных тонов, «серых людей» в творчестве Альбова объясняется субъективными причинами (тяжелыми обстоятельствами частной жизни, угнетенным характером, социальным пессимизмом) и общей культурно-исторической ситуацией конца XIX в. Хотя он успешно осваивал и творчески развивал открытия классика, в его творчестве явно ощущалось заметное снижение содержательной значимости художественных картин, отсутствие яркой оригинальности в изображении мира, что дало основания современникам относиться к нему как к эпигону.

ЛИТЕРАТУРА

Альбов, М.Н. (1866). Записки подвального жильца, в: *Петербургский листок*, 24 февраля.

Альбов, М.Н. (1866). Петербургские мизерабли, в: *Петербургский листок*, 4 сентября.

Альбов, М.Н. (1888). День итога, в: *Повести и рассказы*. Санкт-Петербург: Тип. В.А. Тиханова, 1–114.

Белинский, В.Г. (1955). *Полн. собр. соч.: в 13 т.* Москва: Изд-во АН СССР, т. 8.

Достоевский, Ф.М. (1989). *Собрание сочинений: в 15 т.* Ленинград: Наука, тт. 1, 5.

Достоевский, Ф.М. (1995). История глагола «штушеваться», в: Достоевский Ф.М. *Собрание сочинений: в 15 т.* Ленинград: Наука, т. 14, 337—340.

Михайловский, Н.К. (1884). Письмо в редакцию, в: *Отечественные записки*. № 2. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_1884_02_pismo_v_redaktziu_olderfo.shtml?ysclid=lq25yvuksm992398942 (дата обращения: 12. 12. 2022).

Муратов, А.В. (1983). Альбов Михаил Нилович, в: *Русские писатели. XIX век. Библиографический словарь: в 2 т.* Москва: Просвещение, т.1, 28–30.

Набоков, В.В. (2012). *Лекции по русской литературе*. Санкт-Петербург: Азбука-классика. [Электронный ресурс]. URL: itexts.net (дата обращения: 19. 2. 2020).

Салтыков-Щедрин, М.Е. (1956). *Полное собрание сочинений: в 30 т.* Москва: Художественная литература, т. 20.

Сегалов, Т.Е. (1929). Болезнь Достоевского, в: *Научное слово*, 4, 92.